

ЗАВОЛЖСКИЙ

МУРДАВЕЧ.

№ 20.

ОКТЯБРЬ.

I.

РЪЧЪ

о пользѣ Истории. (*)

Знаніемъ человѣкъ силился разширять
тѣсные предѣлы, въ коиорые природа его
заключила. Науками и искусствомъ замѣня-
ются недоспешки силъ человѣка и способ-
ности его увеличиваются почти до безпре-
дѣльности: онъ переплывашъ неизмѣримые
океаны, воздвигаешь великолѣпныя зданія и
производишь безчисленныя творенія, о ко-
ихъ варваръ не можетъ имѣть никакого по-

(*) Произнесенная при публичномъ собраніи въ Казак-
ской Гимназіи 1882 года Юна 29 дн.

нятія. Созерцая чудеса , производимыя че-
вѣческимъ искусствомъ, мы необходимо да-
ны признать сю истиину , чи то знаніе ес-
ти сила. Превосходныя знанія , болѣе же
превосходная сила , содѣлали Европейцевъ
столь короткое время владыками новаго си-
та и доказали способы горести Англичан
покорить своей власніи столь обширную час-
ть Индіи. Словесность, науки, искусства возводятъ
людей отъ слабости къ силѣ и отъ дика-
нивѣжества на степень высочайшаго разумѣнія.

Между тѣмъ , какъ съ помощію иѣконо-
мическихъ наукъ человѣкъ пересѣкаетъ неизѣ-
римое пространство земель и водъ, творитъ
чудеса , владычествуещь надъ самою приро-
дою , и, какъ бы недоволенный мановеніемъ
насшоющаго , онъ желаетъ присвоить себѣ
прошедшее , жить , такъ сказать , за дол-
го до своего рожденія. Является Исторія ,
съ свѣтильникомъ коей онъ рѣщающія про-
текаютъ давно минувшее. Всѣ великие люди дре-
ниости мыслишь , говоряще , дѣйствующіе предъ
нимъ , или лучше сказать , онъ живетъ съ
ними , вникающіи ихъ урокамъ , наставлениаго .

какъ свидѣтель настоящаго. Такъ наши предки, зависчики славы (и кто равнодушно мыслить о славѣ?) желали превзойти Аристидовъ въ сираведливости, Фокіоновъ въ неподлебимости, Фабриціевъ въ великодушіи, сажихъ Сократовъ въ добродѣтели. Такъ, пытѣвѣ вообще люди, на видимыхъ и возвышенныхъ степеняхъ сидящіе, желають оспасти по себѣ памятникъ своего существованія—желаніе естественное и могущее произвести общую пользу! Оно можетъ оправдать отъ пороковъ, устремлять къ добродѣтели и одушевлять правицелей міра благородною ревностию, представляя имъ въ отдаленности память и славу въ потомствѣ.

Исторія предаетъ дѣянія людей вѣчности и сохраняетъ имена ихъ отъ забвѣнія.— Но когда кургани срыты и надгробные камни изровержены; то слава никаго погибаетъ на вѣки. Ежели мы помыслимъ о множествѣ Царей и Полководцевъ, память коихъ изглажена съ лица земли временемъ; ежели мы разсудимъ, что всѣ дѣянія и предрѣшія ихъ погребены въ безмолвіи вѣковъ: то не можемъ не видѣть

доспопиства Исторіи и пра́ва ся, заслужи-
ющаго въ равной степени внимание Государя
и ихъ подданныхъ; ибо воспоминание, шака-
какъ и зрелище великихъ дѣяний, возвыша-
етъ душу и воспламеняетъ благородную рев-
носТЬ. Какъ памятникъ прошедшихъ времень
и преждебывшихъ Героевъ, Исторія имѣеть
рѣшишельное преимущество надъ живописью
и ваниемъ: памятники послѣднихъ могутъ
существовать въ немногихъ только мѣсцахъ;
они подвержены различнымъ превратностямъ.
Когда время обезобразитъ ихъ или разрушитъ;
то трудно восстановить ихъ въ первобыт-
ное совершенство по память, преданная по-
томству Исторію, избѣгаешь поражений
всесокрушающаго времени, разливаясь безпре-
дѣльно и возобновляясь непрестанно.

Предметъ Исторіи есть дѣяния людей, поз-
наніе человѣка. Наука занимательная и по-
лезная! Краснорѣчивый орашоръ древности
назвалъ ее свѣтильникомъ истины, настав-
ицю въ жизни. Великий Историкъ, име-
немъ котораго должна гордиться Россія, го-
воритъ о доспопиствѣ сей науки: „Прави-

тели и законодатели действуютъ по указа-
заниямъ Исторіи и смотряли на ея листы;
какъ жрецілавали на чертежи морей.“

Какъ опытный и терпѣливый старецъ,
Исторія подаетъ всѣмъ и каждому мудрые со-
веты, изслѣдывающи паклонности, откры-
ваетъ сердце и душу человѣка, предупреж-
даетъ зло, предосперегаетъ опѣ ошибокъ,
подаетъ упѣщеніе въ бѣдствіяхъ, бодроситъ
въ предпріятіяхъ и безпристрастно вѣщающъ достойнаго, не смотря ни на чинъ, ни на
званіе, ни на происхожденіе.

Какъ грозный и нелицемѣрный судія, Исторія смотрѣла на праѣ минувшихъ вѣковъ, держа въ рукѣ своей свишокъ, въ коемъ имена великихъ и добрыхъ слюши, а память нечеснныхъ, какъ укоръ человѣчеству, предается изъ рода въ родъ. Герои наперерывъ спѣшаші вписаний имена свои въ хартии вѣковъ; — и чрезъ нѣсколько сполѣшило, что лесть и клевета написали о нихъ лживаго, изчезающаго, и дѣла исчезнувшихъ, обсужденныхъ, взвѣшенныхъ на вѣсахъ Исторіи, являющихся предъ глазами попомощиа въ подломъ блескѣ.

Какъ священная книга законовъ, вѣры, по-
линики, правоъ, художество, открытия
и такъ далѣе, Исторія украшаетъ лѣтопи-
си свои любопытными картинаами и разнообраз-
носію своихъ предметовъ дославляеть бу-
гашую пищу для ума. Государи и правицед-
зывають изъ Исторіи, что источникъ Граж-
данскихъ законовъ есть законъ естественный,
что истиная политика ищется о счастіи и
пользѣ всего человѣчества. Духовный уз-
ешь изъ Исторіи, что разнообразность вѣръ,
нелѣность идолопоклонства и соблазнитель-
ныя басни о богахъ язычества, запечатляютъ позна-
ніе истиинаго и единаго Божества, не могла
однакожь лишить человѣка мысли, что есть
Богъ, чио мысль, коею превозжшися человѣкъ
въ колыбели, есть предчувствує бессмертія.

Философъ, разобравъ системы эпіческихъ и
правила древнихъ мудрецовъ, оставилъ, мо-
жешь бысть, для пономствиа своего спаси-
тельныя истини, откроетъ причины без-
численныхъ вещей; а изслѣдуя нравы и обы-
чаи, онъ познастъ лучшіе человѣка. Ученый,
сдобря на храмъ наукъ, на сie огромное

зданиe ума человѣческаго, созидаемое въ продолженіи иѣсколькихъ тысячъ вѣковъ, скажешь, чио трудъ каждого есть ничто въ сравненіи съ обширнымъ поприщемъ наукъ; то трудъ каждого человѣка необходимъ. Ручай, текущий въ море, долженъ ли оспаиваться въ своемъ течениі, думай о малой количествѣ ведь своихъ? Какая слава присоединишь свои знанія, хотя малыя, но полезныя для человѣчества, къ сему великодѣшному зданію наукъ! Какая слава жиши и сиашь въ Испорѣ!

Художникъ, смотря на эпопею Исторіи, сколько найдешь богатыхъ картии для рѣзца и кисти. Она предлагашь ему неизложаше на многіе превосходные памятники; она воспламеняла силу его воображенія, и гений его, подстрекаемый подражаніемъ Овидіо, Праксителю, Рафаэлю, не пошутишъ своего стѣнальника, пока не произведешъ чего нибудь достойнаго своихъ предшественниковъ. Простой Гражданинъ научающійся изъ Испорѣ любить Государей и отечество, блестяще вѣру своихъ отцевъ, жертвовавъ жизнью для блага общаго, исполнишъ въ точ-

*Барсуковъ
Г. С.*

ности возложенные на него обязанности, быть строгимъ судію къ самому себѣ , смиходищельнымъ и справедливымъ въ отношении къ другимъ. Однимъ словомъ : Исторія можетъ образовать великихъ людей, хорошихъ гражданъ и добрыхъ сыновъ отечества. Такъ, каждый , занимающійся Исторіею , можетъ соединить вмѣстѣ полезное съ приятнымъ. По разнообразности предметовъ , ею обхѣляемыхъ , или по прелести, съ икою неразлучной, она удовлетворяетъ любопытство, сродное человѣку , напасть разумъ его , спрѣмяющійся въ безкапѣчность , силою обширныхъ преданий , ею предлагаемыхъ.

Но что въ особенности должно обращать на себя вниманіе наше, П. П? Какой предметъ въ Исторіи можетъ быть болѣе заниматель , разинатель , какъ не начало , возрастъ и паденіе Государствъ ; какъ не законы , правленіе и права народовъ ; какъ не возрожденіе , успѣхи и упадокъ наукъ и художествъ ?

Взглянемъ на обширные картины , представляемыя намъ Исторію о перемѣнахъ Государствъ. Кто не прислушивалъ при сопрове-

вій міра, читал Біблію? Богъ въщаєшъ — и, по гласу его, вселенія рождаєшъ изъ иничіожесшия, человѣкъ возникаєшъ изъ праха. Въ одногъ семействѣ, въ одномъ только человѣкѣ, мы усматриваемъ безчисленныя поколѣнія, существующія населять землю. Подобно песку морскому, онѣ уже размножились, но учинились неблагодарными и виновными; возгремѣлъ небесный гибель, хлынули путицы водные — и потопъ поглощилъ прошупленія и пресипниковъ. Родъ человѣческій опять возобновляется, населяєшъ различныя страны, разсѣянныя племена соединяются и составляютъ большія общины. По волѣ Провидѣнія, державы следуютъ одна за другою. Уподобляясь возрасту человѣческому, народы младенчествующіе, мужаютъ, состарѣваются и умираютъ.

Киръ низвергасъ обширное царство Вавилонское.—Персы, сдва извѣсніе до него, являются первенствующимъ народомъ вселеній. Юный герой, съ надеждою славы и счастія, съ горшью отважныхъ Македонцевъ, стремящійся разсѣять многочисленныя

полчища, и Азія падаешь къ ногамъ иничтожнаго владѣльца Греціи, совершающа кроющихая ширину по смерти сего грознаго завоевателя. Всѣ народы, кажется, брошены на лице земли, какъ злѣйшіе непріятели, испребляющіе другъ друга: побѣдители и побѣжденныи, умѣстивши и умѣстенныи—сь вомъ, всѣ сшаловавшися играющемъ иеноственнаго жребія человѣческаго ! Во всѣ времена паденіе правогъ влечетъ за собою паденіе Государствъ.

Обращимъ ли взоры наши ошь воспока на западъ ? Тамъ въ уголкѣ Европы, въ иель вѣслииши, слабое, едва держащееся деревце распещъ, углубляющіеся, и непрямѣющіе возвращающъ, вдругъ раскидывающъ вѣтви свои въ спины отдаленныя, и наконецъ пѣнок своею остынишъ все извѣстное просираниство земли. Я говорю о державѣ Римской. Римляне, сей народъ, удивительный блескожъ своихъ добродѣтелей и пороковъ, просвѣщеніемъ и тонкостію полиники, народъ, давший законы вселеній, обложившій оковами рабства Европу, Азію и Африку, народъ, успавшій испроблять другіе народы и долго

собою тяготивший землю, падъ иаконецъ подъ
ударами необузданыхъ варваровъ. Сіи дикіе
сыны Сѣвера, воспитанные подъ суровымъ
штормомъ, пріобыкшіе къ брачамъ и убийству,
исполнившися всипорогомъ при звукѣ оружія,
нечувствительные къ выгодамъ земледѣлія и
пріятности птицой, поспоянной жизни, при-
меченные добычю и привычкою перемѣній
дѣла своего жинельства, нападающіе на
Італію, совершающіе кровавыя ширесима
въ честь боговъ своихъ. Цвѣтущіе города
опустѣли, плодоносныя поля обратились въ
безднѣдныя пустыни, погасъ свѣшильникъ
просвѣщенія. Насипуши средніе вѣки—времена
варварства, грубости, невѣжества, или
лучше сказать, времена сильнаго боренія ума
человѣческаго съ предразсудками и спрасня-
ми, времена развилія умовъ, служившія при-
головленіемъ къ будущему совершенству Ев-
ропы.—Ходъ прежнихъ произшествій измѣ-
няется.—Переносясь изъ вѣка въ вѣкъ, мы
видимъ хищраго и славнаго Магомета, лож-
нымъ своимъ ученицмъ обольстившаго чело-
вѣчество, грознаго завоевателя, успремля-
ющагося изъ Аравіи и приносящаго въ жерн-

ну Ал - Корана миллионы народовъ ; видимъ фанатизмъ въ высочайшей степени ; видимъ крестовые походы, пробуждающіе Европу изъ долговременного усыпленія ; видимъ попытка человѣчества и мраковъ невѣжества слабую зарю наукъ , новый міръ , какъ рождающейся изъ недръ хаоса ; видимъ великія опкрышія — игру случая ; видимъ наконецъ неугомонныхъ Европейцевъ , дающихъ законъ всей вселенной , при собственномъ недостаткѣ въ оныхъ , сихъ зависивыхъ Европейцевъ силящихся захватить всѣ богатства мира и спрѣбляющихъ себя кровопролитными и бесполезными войнами ; видимъ въ Европѣ омачивая и пищевая мечты равновѣсія и противоборства различныхъ силъ , безразсудные правила , будто бы слабость одного Государства соотставляетъ могущество другаго ; видимъ разпространеніе наукъ и роскоши размноженіе нуждъ ; видимъ на могилѣ Франціи пагубные слѣды невѣрія ; видимъ нашъ любезное отечество , едва извѣстное просвещенной Европѣ до Иоанна IV , но поставленное сильною мышцею Петра Великаго на степень первоклассныхъ государствъ

шумъ иаконецъ цѣлую Европу, взирающую
съ удивлениемъ и благодарностью на Россію
въ то время, когда Наполеонъ, какъ неиз-
бѣжный рокъ, по волѣ своей располагающей
Прізвами, спремится разрушить послѣд-
нюю преграду своимъ честолюбивымъ замыс-
лемъ; но, къ счастію народовъ и славѣ
Россіи, находишь въ Александрѣ не Дарія,
въ народѣ Русскомъ не Персовъ малодуш-
ихъ. Какіе предметы, какія картины, ка-
кое очарованіе соединено съ членіемъ Исторіи!
Сколько различныхъ чувствований волнующихъ
душу и сердце наше! Сколько уроковъ для
настоящаго и примѣровъ для будущаго! Ко-
да же подумаемъ, что къ сей прелести при-
соединяется еще удовольствіе жить иѣконо-
момъ образомъ во всѣхъ временахъ, участіе,
которое нечувствуительно мы беремъ въ про-
изшествіяхъ и лицахъ: кто не ороситъ
слезами праха Леопида и трехъ соіѣ Спар-
танцевъ, пожертвовавшихъ жизнью при Тер-
молилахъ для спасенія Греціи? Ктобы не
простеръ рукъ своихъ къ опражнению стрѣль,
пущенныхъ на Горація Коклеса въ то время,
когда онъ одинъ на мосту оставлявшъ цѣлое

воинство? Кто не увлекался по слышищу Конфуція силой его наставлений и добродушелей? Кто не проливалъ слезъ на разахъ Карфагена? Кто, видя Фемистокла гоноваго приятий удары Еврибада для держашія выгодъ Греціи, дерзнеши жертовать опечествомъ своимъ ищеславію? Кто види Аристіда, подписывающаго приговоръ свой, и Сократа, съ спокойнымъ духомъ нимающаго чашу смерти, не ввѣринъ оправдания своего времени и добродѣшельмъ? Кто чиняя отказъ Фабриція отъ золота и постей, предлагаемыхъ ему непріятелемъ и опечеснива, устыдится добродѣшельной бѣносши? Какія важныя поученія извлечемъ изъ примѣровъ другихъ, изъ наставлений данихъ нашимъ предшественникамъ, изъ учїховъ ихъ и ошибокъ; словомъ изъ опыта сии всѣхъ вѣковъ? Посредствомъ Исторіи и училищъ Цесаря, Конде и Тюреня возникаютъ славные полководцы; по примѣру Сюллъ Колберта будущъ образоваться Министры Дюгесклени и Монморанси дадутъ наставлени Героямъ; Лопитали, Дешу, Ламуаньоны, Дегессо произведутъ гражданъ чиновниковъ.

Кто, читая Историю своего отечества, не скажешь, что высокія доблесті предковъ не есть источникъ патріотического чувства? Чье воображеніе и сердце не подѣшвишъ эпохъ рдѣ древнихъ Героевъ, начиная отъ Олега до Даниилія? Не говоря о Кіевѣ, Влади́мірѣ, и хижинѣ Ельца, Козельска, Га́лача, сущь иѣмые предметы, различно говорящіе сердцу Русскаго! Кто изъ насть не пожалѣстъ, смотря на междуусобія Князей Русскихъ, на распри, по видимому семейственныя, но самыя ужаснѣйшия и кровопролитнѣйшия, не умолкавшія и тогда, когда земля Русская стекала подъ игомъ Тата́ръ? Кто изъ насть безъ особеннаго чувства будешъ взирать на возстаніе Россіи при Донскомъ, при Пожарскомъ и Мининѣ, и въ наши времена, при Благословленномъ Александре, на эпоху торжества народныхъ добродѣтелей, на эпоху привязанности Русскихъ къ престолу, вѣрѣ и отечеству? Кто изъ насть явился неблагодарнымъ и предаstry забвению исполненіе подвиги Петра Великаго, благодѣтеля Россіи, кошорый развили въ насть душевный способности и доказа-

залъ въ которое время своимъ подданнымъ
 чио шаланты свойственны всему человѣчес-
 ку ; который выльчилъ насть отъ болѣ-
 иевѣжества , создалъ величіе Русскаго Царя
 виа и , сражаясь съ природою , съ закорен-
 лыми предразсудками , суевѣріемъ своего
 рода , занечаплѣль въ Исторіи , чио веде-
 кому все уступаешь ! Кто изъ насть , вос-
 миная блаженныя времена Екатерины
 рой , не прославилъ мудрой Монархии
 и не представилъ сходства Ея времена
 и нынѣшнимъ ? На тѣхъ же самыхъ мѣстахъ
 Русскіе пожинаютъ неувидаемые вѣники съ-
 вы ; тѣ же самые герои воскресили въ Зн-
 балканскомъ и Эриванскомъ ; па же сама
 великай мысль законодательства и попече-
 о благѣ подданныхъ Великой Монархии
 и , доставившая Россіи времена блаженныя,
 нынѣ занимаещъ высокую душу Никола
 Перваго , Богомъ намъ дарованнаго до-
 счастія нашего .

Такъ ! Исторія , показавъ намъ превосходны
 образцы , разовьепть въ насть чувство благо-
 роднаго соревнованія . Сенска утверждалъ , чио
 никто не отличался бы ни въ паукахъ , ни

въ добродѣйствияхъ, еслибы не избралъ для себя соперника въ лѣтніяхъ міра. Трофеи Мильшіадовы лишающъ меня спа и спокойствія, говорилъ Фемисокъ, и часіо цѣлый юни оинъ зари вечерней до утренней блуждалъ одинъ съ своими думами по площа-ди народной; Александръ, слушая разсказы о побѣдахъ и пріобрѣтеніяхъ Филиппа, жаловал-ся, что отецъ его завоюешь все, и ему не оставилъ возможности совершишь чи то либо славное. — Величайшіе мужи всѣхъ временъ въ юности своей изучались Исторіи, почерпая изъ оной благородѣйшія чувствования, презрѣніе смерти, любовь къ отечеству и добродѣйствиямъ; они избирали себѣ въ сей наукѣ какой нибудь примѣръ для подражанія. Александръ воспламенялся при читаніи подви-говъ Ахиллеса и хотѣль сравниться съ симъ Героемъ; Карлъ XII смирился по спопамъ Александра; Генрихъ IV взялъ себѣ за образецъ Людовика XII; Антошинъ подражалъ Траяну; а Маркъ Аврелій соображалъ дѣянія свои съ добродѣйствиями Антошина. — Великіе жи-ра сего только изъ усть Исторіи внем-люпъ, чи то они такіе же смершися. Ова го-

ворить имъ, что не памятники, касающіеся небесъ, возвеличатъ ихъ въ пошомствѣ, но высокія дѣянія и добрая слава; не блескъ золота, украшающаго иѣмые монументы, во блескъ добродѣтелей освѣшилъ ихъ въ гимнахъ потомства. Она показываетъ имъ, что по смерти и самые памятники чудовищъ извергаются, и имя Калигула, Кромвелей, Равалыковъ покрываются вѣчнымъ позоромъ; между тѣмъ какъ имена искинно великихъ, правосудныхъ, добродѣтельныхъ людей передаются съ благоговѣніемъ изъ рода въ родъ. Что Испорія говорить великимъ сего міра, тозе поворяетъ она и прочимъ смертнымъ. Подобно имъ, мы почини всѣ окружены льстецами, непріятелиами, людьми неправосудными и приспрасившими. А ежели и имѣемъ друзей, друзей благоразумныхъ, просвѣщенныхъ и довольно швѣрныхъ для изъясненія искинны; то часію убѣгаемъ ихъ, въ вихре шумного свѣта спаляемся заглушши голосъ искинны и совѣсти, или разсматриваемъ себѣ слишкомъ приспрасивно. Ишакъ согласился въ семъ описаніи съ мнѣніемъ, что лучшіе совѣтники цамъ мертвые.

Примѣры убѣдительнѣе словъ. Правствен-
ныя книги дающи намъ правила. Исторія сдѣ-
лаетъ болѣе; она приведетъ въ движение лю-
дей, страсти, разсудокъ, пороки и добро-
дѣтели, и, представивъ предметы въ истин-
номъ видѣ, будеши несравненно полезнѣе, не-
дели книги поученій безъ примѣровъ.—Надобно
иметь силу страстей, чтобъ не довѣрять
емъ; надобно знать, подъ какою личиною
скрываются порокъ, для предостереженія себя
отъ его обольщений; надобно наблюдать серд-
це человѣческое, какъ пропащокъ влечеть
за собою преступленіе, а за преступленіемъ
следуетъ злодѣяніе; надобно изслѣдовашъ
и наклошность нашу къ паденію и средсива,
съ помощьюъ коихъ можетъ возстать; надоб-
но изучить дѣйствіе и взаимное могущество
страстей надъ разсудкомъ, или разсудка
надъ страстями;—наука высокая, ученіе глуб-
окое, въ которомъ мы не сдѣлали важ-
ныхъ успѣховъ одними только нашими наб-
люденіями: чибо мудрость человѣческая имѣ-
етъ нужду въ опытахъ, а жизнь наша крат-
ковременна, говоритъ знаменитый Испорикъ
нашего вѣка. Въ Исторіи, какъ въ общест-

веникомъ хранилищъ, сберегаються дѣяія чловѣческія и оныицосиы всѣхъ вѣковъ. Прѣ восходные примѣры, сю памъ предшавленіе послужашъ съмнами и источниками добродѣтелей; а худые оправдываютъ часъ отъ порохъ и порочныхъ. Она заставляетъ часъ предупредить жребій добрыхъ, даже и иногда, когда злыи торжествуютъ надъ добрыми. Перенесемся въ Аѳины, опечаленные смертию Сократа: поколеблемся ли быши на мѣстѣ смирудеца, или на мѣстѣ одного изъ судимого? Представимъ себѣ Римъ, погруженный въ глубокую горести и мертвое безжизненное смертию Германика: поколеблемся ли быши жеривою, или убийцю?

Исторія есть зеркало, посредствомъ котораго мы сообразуемъ жизнь нашу по добродѣтелиамъ другихъ. Она есть священный огнь, назначенный для сбереженія теплоты добродѣтели. Счастіе людей есть цѣль елъ искренность слѣдовательно — , а правдѣ — законъ. Соединяя пріятное съ полезнымъ, не привлекаетъ ли она непреодолимою прелестію своего справедливаго разсказа вся-

вое сердце ; способное принять ея мудрые
совѣты и наставлени¤ ? —

Вы, юные патомцы, на которыхъ отечество
взираетъ съ сладкою надеждою, покажи-
ше себя достойными тѣхъ благодѣй, ко-
торыми осыпаетъ васъ Монархъ, тѣхъ
несуспанныхъ попечений, которыя имѣются о
васъ Началство и родители. Изучайтесь Исторіи, воспользуйтесь ея уроками, чтобы
быть въ послѣдствіи временіи вѣрыми прес-
толу и вѣрѣ своихъ отцевъ, полезными
гражданами, справедливыми судьями и непо-
колебимыми въ битвахъ воинами. Образуйте
духъ вашъ на великихъ образцахъ, ею предста-
вляемыхъ ; гнушайтесь порочными и низкими
людьми, коихъ Исторія и потомство нака-
зуетъ вѣчнымъ презрѣніемъ. —

ЭВАЛЬДЪ И ЭММА.

(Баллада.)

Мѣсяцъ свѣтишъ, мѣсяцъ блещешъ,
 Дремлешъ пихая рѣка;
 Только изрѣдка препещешь
 Листъ подъ вѣемъ вѣтерка.

Башни грозныя Штейндона,
 Мрачно въ сумракѣ стояшъ;
 Лишь надъ дверю съ балкона
 Лампы яркія горяшъ.

Но кругомъ все въ замкѣ шико,
 Всѣ объятия крѣпкии сномъ;
 Лишь совы печальной, дикой
 Слышенъ голосъ надъ лѣскомъ.

Вдругъ балкона дверь ошкрылась,
 Вышла дѣва на балконъ,
 Взоромъ крошкимъ обратилась
 На погасшій небосклонъ.

Что красавица уныла,
 Что глядишъ на дальшій путь?
 Что покой ея смущило,
 Опь чего препещещъ грудь?

„Завпра , завпра день послѣдній
 „Для несчастной заблестить ;
 „Но вся злоба ихъ гоненій
 „Сердца ввѣкъ не измѣнитъ“.

Дѣва плачетъ ; но какъ ясно
 Блещетъ мѣсяцъ въ высотѣ , —
 И надежды лучъ прекрасной ,
 Заблисталъ въ ея душѣ :

„Поспѣши ко мнѣ , мой милой ,
 „Завпра , завпра конченъ срокъ ;
 „Я твоя , или съ могилой
 „Породнишь меня мой рокъ“.

Вдругъ проснулась даль сѣдая ,
 Заблисталъ Авроры лучъ ,
 И шуманы разгоняя ,
 Всходитъ солицѣ изъ-за пучь .

Всё проснулось , замокъ пышный
 Весь въ движении давно ,
 Всюду говоръ необычной ,
 Всѣхъ занятіе одно .

Передъ замкомъ площадь длинна
 Украшается кругомъ ,

**Развѣваетъ кожа львина
Надъ владѣтельнымъ гербомъ.**

Всюду шкаии дорогія
Блещутъ яркой пестротой. —
Воинъ и рыцари младыи
Собрались на дружный бой.

Полдень лсныи, солнце блещетъ,
Всё въ воспоргѣ, всё кипитъ ;
Что же Эмма, что трепещешъ,
Что слеза въ глазахъ дрожитъ ?

Въ чеснѣ ся турниръ опасный
Князь, отецъ ся, даетъ ;
Сердце дочери прекрасной
Онъ пицславью продаетъ.

„По сужденію старѣйшихъ
Положилъ закономъ я :
Побѣдителю храбрѣйшихъ
Есть награда дочь моя ! “

Князь рѣшилъ, и пицціо Эмма
Слезы горести лила,
Тицціо хладныхъ колѣна,
Умоляя, обиля.

„Я люблю ! . . Эвалльдъ несчастной
„Не забыть досль моей . .

„Ахъ ! ужель твой гиѣвъ ужасной
Будеши вѣчный жребій мой ? “

„Годъ уже , какъ я страдаю
И ты все неумолимъ ;
Я томлюся , увидаю ,
Но мой духъ исколебанъ . “.

„Иль Эвальдъ , или могила
Пусль супругомъ будеши миѣ ,
Жизль душѣ моей посыла ,
Сладкой иѣнѣ отрады въ ией. . . . “

„Ии полъ — слова , все рѣшилось ! — “
Князь суровый отвѣталъ .

Онъ выходитъ ; все сполнилось —
И гласъ трубный зазвучалъ ,

Рыцарь Вальдесъ ужъ трикратющо
Побѣдишлемъ стоишь ;
Рыцарь силой непонятной
Всѣхъ ончалиныхъ страшишъ .

„Рыцарь Вальдесъ , побѣдитель ! ,
Соимъ герольдовъ прозвучалъ :
Вдругъ грозой , какъ Ангель — мститель ,
Новый рыцарь прискакалъ .

„За невинность въ утѣснены!“ —
 На щитѣ его блеститъ ;
 Конь ярится въ нетерпѣнїи ,
 Шлемъ его , какъ жаръ , горитъ.

Но опущено забрало ,
 Неизвѣстенъ рыцарь сей ;
 Сердце Эммы трепетало
 О слѣпой судьбѣ своей.

Слово чести Князь пшеславцой
 Чрезъ герольдовъ повторилъ ;
 Лишь побѣдой правой , славной
 Пушь онъ къ дочери открылъ.

И два Рыцаря сразились
 За любовь и славы долгъ ;
 Жарко , страшно они бились
 За обѣщацій залогъ.

По защитникъ утѣсненныхъ
 Побѣдилъ , и Вальдекъ падъ .
 Князь утѣшилъ побѣжденихъ
 И героя ожидалъ .

Онъ подходитъ съ трубнымъ звукомъ .
 Эмма бѣдала дрожащъ ;

Князь съ кипящимъ полнымъ кубкомъ
Такъ пришельцу говоритъ:

„По суждению спарѣйшихъ
Положилъ закономъ я:
Побѣдителю храбрѣйшихъ
Есль награда — дочь моя.

„Вотъ она! твоя побѣда —
Честь ея въ рукахъ твоихъ;
Кто жъ ты, рыцарь, кто надежда
Позднихъ радостей моихъ?“

Неизвѣстный медлилъ долго
Приподняться тяжелый шлемъ;
Видно было, страданіи много
Волновали сердце въ немъ.

„Я Эвальдъ, изгнанный вами!“
Эмма: “— Боже! мой Эвальдъ!“
И съ мольбою и слезами
Передъ Княземъ пасынь хотятъ.

„Никогда не измѣня
Обѣщающаго моего,
И союзъ вашъ утверждалъ,
Повторяю я его. — “

Сквозь солнце за горами ;
 Замохъштейндонъ весь въ огнѣ ;
 Всѣ сподвижники ковщами
 Пьющъ забвеніе въ винѣ.

Но Эвальдъ при Эммѣ страстиой
 Пиръ и вину забывалъ ,
 И отецъ съятъ всечасно.
 Ихъ союзъ благословлялъ.

P. Romanovitch.

МОЕЙ ЭРМИНИИ.

Когда лазурная волна
 Отъ устъ зефира вспрепечется ,
 Довольствиа , радости полна ,
 Съ другой волной , капясь , сольется ;
 Когда полночный вѣтръ прильнетъ
 Своимъ крыломъ къ моимъ напѣвамъ
 И ихъ съ собою унесетъ
 Къ швонмъ , прекрасная , предѣламъ :
 Тогда , о какъ бы я желалъ ,
 Чтобъ звукъ печали , звукъ страданья
 Моей душѣ напоминалъ
 Тебѣ бывыя дни свиданья.

Летѣли годы — я любилъ —
 Любилъ тебя , какъ жизни радость ;
 Одной тебѣ я посвятилъ
 Покой души своей и младость .
 Они прошли — златые дни
 Восторговъ сердца и мечтаний :
 Въ удѣль оставались мы одни
 Лишь сны любви и вспоминаний .

K. Л...вз.

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО И
ПОЛИТИЧЕСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЧЕР.
НОГОРІИ ПОЛКОВНИКА ДЕ СОМІЕРА.

(Продолженіе.)

По возвращеніи совсѣмъ въ Адріанополь, Скаидербекъ, покрытый только славою, казалось не имѣлъ причины опасаться Султана, который обходился съ нимъ столь от лично; но случилось совсѣмъ противное. Старый Касириото, его отецъ, спокойно управлявшій малыми владѣніями въ горахъ Албания, и коечго независимое владычество, терпимое и признанное самимъ Султаномъ, распространялось надъ нынѣшнимъ Запломъ и восپочкою частию Черногоріи, скончался, какъ утверждаютъ, отъ горескии, чио не увидитъ болѣе своихъ дѣней, изъ коихъ двое погибли отъ яда при дворѣ Амурама, а третій, съ самого изѣжнаго возрасна содѣлавши Магометаниемъ, былъ, подъ другимъ

наменованіемъ, рабомъ и любимцемъ сего
Турецкаго Императора.

Смерть сія возвратила душу Скандербека
природныя чувствования, которыя никогда
совершенно не погасали. Приобукиши давашь
Султану наименование отца, онъ не забывалъ,
что чрезъ погибель братьевъ, которая ему
была известна, сдѣлался единственнымъ наст-
льникомъ Іоанна Каспріото, владѣтеля
части Эпира и Албани. Лишь только онъ
началь просипъ Амурама о пожалованіи ему
сихъ владѣній и дозволеніи отправиться въ
столичный оныхъ городъ Крою, гдѣ надѣял-
ся найти свою мать и сестеръ, какъ вдругъ
деспотъ, открывшись, сказалъ ему сухо: что
онъ послалъ одного изъ своихъ Генераловъ
съ войскомъ взять въ Кроѣ гарнизонъ и
потребовать владѣній Эпира и Албани, ко-
торыя имѣлъ намѣреніе присоединить къ своей
Имперіи. Что касается до его матери
и единственной сесиры, у него оставшейся;
то даетъ имъ земли въ Македоніи, гдѣ онѣ
могутъ кончить жизнь свою спокойно. Онъ же,
Скандербекъ, имѣлъ весьма хорошую участъ

при дворѣ Государя, и ему ничего не оставалось желать болѣе.

Живо прошуши симъ молодой сирота скрылъ свое неудовольствіе. Онъ показывалъ видъ, что покорленихъ волѣ Государя ища-тельно избѣгалъ всего, чио могло заставить подозрѣваніе его въ намѣреніи вступить во владѣнія своего родищла.

Нѣкоторые изъ главныхъ жителей Крон и начальниковъ Эпирскихъ горцевъ, между коими извѣсно имѧ черногорцевъ **Чернови-
чей**, пришли тайно видѣться съ нимъ и жѣли скрытию въ Андріафонополь, въ ожиданіи случая увезти его и возвратить въ объятия добродѣтельной его матери, неутѣшной въ его отсушившіи, которая послѣ кончины своего мужа жила уединено внушири своего дворца съ дочерью, бывшею годомъ моложе своего брата Скандербека, и починавшейся образцомъ крошески, красоны и пріят-
носши. —

Время длилось, и между тѣмъ сдѣлалось извѣснымъ, чио Турецкій гарнизонъ занялъ

Крою. Генералъ велѣлъ провозгласить своего Государя верховнымъ владѣтелемъ Эпира и Албании, — и никакое сопротивление не могло изгнать мѣста. Княгиня съ дочерью, неизвѣстно куда, были сосланы, и новидимому у Георга Скандербека законное наследство всегда было оставлено. Отъ принужденій былъ въ молчаніи переносить всѣ сіи оскорблений.

Впрочемъ друзья его не унывали; они рѣшились терпѣливо ожидать благоприятной минуты, будучи увѣрены, что небо не оспариваетъ своею милостью молодаго Князя, когдѣ благородному характеру и великимъ качествамъ они болѣе и болѣе удивлялись. Особенно одинъ изъ нихъ *Василий Черновичъ*, котораго имущество, сожалѣвшее въ спадахъ скота, было недалеко отъ Крои и Дураццо, въ неприступныхъ ущельяхъ на западъ отъ Эпира, (гдѣ сія фамилія и нынѣ существуетъ), сожавши планъ предварительно увезти Скандербека въ сіе непреодолимое убежище, въ коемъ время и расположение жителей могли доспавитъ скоро случай свергнуть ужасное иго Амураца.

Сей послѣдній, ослѣпленный своими наѣршіями, хотѣлъ овладѣть также Сербію Боснію, смѣжными съ Эпиромъ спрашивши и не опасался посланіе пуща младаго Каспріото, вѣбривъ ему начальство надъ собраніемъ для сего похода армію. Скандербекъ принялъ оное, ни мало не колеблясь, и сдѣлалъ свои приготовленія, но, какъ можно думать, не съ простымъ намѣреніемъ.

Нѣкоторые лѣтописцы сего времени полагали, что намѣреніе Амурата, посылая Скандербека съ Боснію, было пожертовано имъ военному щасію, способствуя къ тому съ своей стороны даннымъ Главнокомандующему приказаниемъ, употреблять его въ опаснѣшихъ мѣсахъ; или, если бы онъ вышелъ оттуда щасливо, избавившись отъ него какимъ бы то ни было образомъ.

Хотя прямыхъ доказательствъ столь варварскаго приказанія, проявившаго любви Султана, которую онъ съ дѣствомъ оказывалъ младому Каспріото, нѣть; но вѣроломный характеръ Амурата въ тысячу другихъ случаяхъ, осправдание, съ которыми

отъ послѣ преслѣдованія Скандербека, наконецъ ревноснѣ, шайно пожиравшая всѣхъ вельможъ двора Султанскаго, и заставлявшая ихъ безпрестанно поносить Касирюта въ глазахъ Государя, — всѣ сіи причины наковное мѣнѣе дѣлающіе весьма вѣроятнымъ. — Нельзя сомнѣваться, что занимательный сирота подвергался величайшей опасности среди Турецкихъ войскъ.

Его благоразумные и обдуманные поступки, непоколебимая твердость, наконецъ щастіе, спасли его отъ спахъ опасныхъ сѣней. Кампания кончилась, война была ужасна; Скандербекъ покрылъ себя на оной славою; но возвратился безъ всякаго успѣха. Босняки столь упорно защищались, что владеніе не соотвѣтствовало намѣреніямъ Султана, долженствовавшаго отозвать свои войска, когда Скандербекъ предводительствовалъ, по которому не льзя было приписать неудачи.

Дѣла находились въ семъ положеніи даже до слѣдующаго года, въ который Венгрии, числомъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ знаме-

випадо *Гунніада*, начали опустошать Трапезівницю, непріятельски ворвались во вмість Амураша, и принудили его запереться въ Адріаполѣ. Немедленно собрана була армія изъ 80,000 Турокъ для отраженія сего нападенія, и, по спрашому случаю, или особливої довѣренностіи, корпусъ изъ сего войска до 20,000 человѣкъ, какъ авангардъ, вѣренъ быль Скацдербеку. Было ли шутъ коварное намѣреніе, или совершиное осляченіе Султана, сіе неизвѣстно. Молодой Эшропъ, подкрѣпляемый совѣтами своихъ друзей, и особенно настоющими преданными ему *Черновига*, рѣшился воспользовавшися сию случаемъ, сдѣлаться независимымъ и возвратить себѣ свое отечество.

Дабы не подвергнуться опасности, должно было употребить хитрость. Амурашъ, ободрѣшій числомъ своихъ войскъ, весьма превышавшимъ Венгерскую армію, шелъ съ многочисленнымъ арріергардомъ и скоро соединился съ главнымъ корпусомъ. Будучи увѣренъ, что его авангардъ успѣшио стремилсѧ впередъ, одѣ со всѣмъ своимъ войскомъ перешелъ сажь

въ Булгарію, и удивясь, что нѣтъ никакихъ слуховъ ни о Скандербекѣ, ни о Венгерцахъ, наконецъ остановился лагеремъ на берегахъ Моравы въ ожиданіи извѣстія. Онъ не зналъ, что Скандербекъ, поворотивъ вправо, въ хорошемъ соединеніи своего корпуза, удалился отъ Гуціада и Венгерцевъ и приближался къ Албани, рѣшась оставить тамъ свое войско, вмѣстѣ съ тѣми, кои пожелають следовать за нимъ въ его опасеніе и принять его спорому.

Друзья его преклонили къ нему множество солдатъ, которые за лучшее почитали соединиться съ его щастіемъ, и, будучи подобно ему Греческаго происхожденія, болѣе всего желали оставить службу Амураша. Къ нему привлекали ихъ справедливое предубѣженіе къ блистательнымъ его качествамъ и великая слава о его мужествѣ и храбрости. Онъ скоро приобрѣлъ армію, довольно достаточную для доспѣженія своей цѣли и для безопаснаго прихода въ Эпиръ, гдѣ множествомъ фамилій, возставшихъ противу Турокъ, ожидали его съ нетерпѣніемъ, а особенно въ Кроѣ

его столицѣ, которая хранила къ нему живѣйшую привязанность и наблюдала неизрѣдь неизвестную шайку.

Въ сіе время Гуниадъ, который, можешь спасти, слѣдовалъ за сею отступающей частию арміи Амураповой, приблизился съ тылу и напалъ на него неожиданно въ лагерь его у Моравы, съ 10,000 отборной конницы, которую Султанъ почелъ спащала своею. — Будучи нечаянно атакованъ, Амуранъ былъ совершенно разбитъ, разсѣянъ и спасся, съ великимъ трудомъ, съ нѣсколькими батальонами. Венгерцы, еще нѣсколько дикіе и неизвѣстные въ то время военной дисциплины, занимались только грабежемъ лагеря Султана-скаго. Обремененные безчисленною добычею, покрытые золотомъ и драгоценными вещами, они оказались пѣши да же. Великій Гуниадъ принужденъ былъ удалиться съ ними.

Послѣ унизительного возвращенія въ Адріанополь, Султанъ наконецъ узналъ объ опаденіи Скандербека и о замѣреніи его подворить во владѣніяхъ своего отца. Можно себѣ представить его гневъ и злобу. Изъ

20,000 человѣкъ, коихъ онъ съу ввѣрилъ, не возвратилось и 2000. Тогда Амуратъ почувствовалъ, что не надобно пренебрегать холоднымъ человѣкомъ такого характера. Его первое спаравіе было, чегобъ то ии споило, заключить миръ съ Венгерцами. Онъ жертвовалъ за шо деньгами, землями, а особенно самолюбiemъ, и кончилъ сіе дѣло тѣмъ, чего желалъ Гушнадъ. По окончаніи сего, онъ занялся чрезвычайнымъ наборомъ войскъ, для похода въ Эширъ; но легко примѣнилъ худос расположеніе своихъ подданныхъ, и даже своихъ Генераловъ сражавшися съ Скаандербекомъ. Они, ошдавая полную сираведливость сему молодому воину, не чувствовали, что его не легко свергнуть съ прона, безъ сожѣлія малозначительнаго, но коего защищники, ограждаемые горами и имѣвшіе испытанное мужество, долго могли презирать всѣ усилія Порты.

Между пѣмъ Скаандербекъ, по прибытии съ своимъ войскомъ въ Эширъ, прогонялъ изъ одного мѣста въ другое Турецкіе гарнизоны, вслѣдствиіе ему на пушки. Они изчезали

предъ шиѣ, какъ листья, ѹносимые вѣтромъ. Одно имя его обращало въ бѣгство Турокъ, и никто не могъ ему противиться; а посему исмѣдленію онъ прибылъ къ спѣшамъ своей столицы.

Здѣсь со всѣмъ было другое дѣло: надобно было остановиться и подумать о мѣрахъ. Годъ Кроа, хотя быль невеликъ, но совершино укрѣпленъ, гарнизонъ имѣлъ многочисленный и командовавшій онъимъ Турецкій Генералъ не былъ способенъ оставить его безъ сраженія. Миѳніе Черновича было испытать исчалиность, или какое нибудь средство обмануть Турокъ.—По сему войско Скандербека на иѣсколько миль удалилось, заставивъ чрезъ то думашь, что оно не почипало себя довольно сильнымъ для изгнанія такого гарнизона, которой болѣе, нежели половиною увеличился бѣжавшими отъ Скандербека. По тайной перешкѣ съ главными градоначальниками, друзья его и вѣсъ вообще согласились вспомоществовать ему. Условлено было, что бы войско Кияжеское почипатъ разсѣявши-
си, и чтобы въ назначенную точь, когда

примѣтить, что Турки снова предадутся беспечности, городское начальство отворило боковой ворота со стороны подгорья, гдѣ подъ арміи починали невозможнымъ; чио бы около 100 горцевъ пробрались туда въ юлчашіи, нечаянно напали на сей посты, и, постепенно приближаясь, обезоруживали, и въ случаѣ надобности умерщвляли въ гарнизонѣ всѣхъ тѣхъ, кои будутъ проишествовать; и чтобы такимъ образомъ успѣли отворить глаеный ворота Скандербеку, коюрый долженъ былъ находиться въ условленномъ мѣстѣ съ иѣсколькими шысчами ошборныхъ солдатъ.

(Продолжење въ редакціи).

П У Т Е Ш Е С Т В И Е

въ В е л и к о е К н я ж е с т в о М о с к о в с к о е.

(Изъ Адама Олеарія.)

(Продолженіе.)

Какъ скоро Послашки отвѣчали на привѣтствіе, Приспавъ высадилъ ихъ на берегъ въ велъ въ находившійся отъ него домъ одного Дворянина изъ такъ называемыхъ Боярскихъ дѣпей (*Sinboyar*). Здѣсь принялъ ихъ въ не большой, закончѣвшей огонь дымъ, чернѣ углѣ, избѣ, которую топили, не смохря, что время было очень жаркое. Послашки угощали пряниками, иѣсколькими спакацами водки самой крѣпкой и двумя сортами самаго дуриаго меду, который, сѣва поднеся къ носу, они передавали изъ рукъ въ руки. Сидѣвшій подлѣ меня, передавая мнѣ, сказалъ: *addatur parum sulphuris et si et polio infernalis*, т. е. если прибавишь къ этому не много сѣры, то выдешъ настоящій адскій напитокъ.

Послѣ сего угощенія, продолжавшагося око-

въ часа, и во время койораго Московскіе Муш-
керы сдѣлали иѣсколько несогласныхъ вы-
мѣровъ, Посланики и Приспавъ оправи-
лись, первые на двенадцати, а Москвины
со знаменами и барабанами на трехъ лод-
яхъ. Я возвратился въ Нотебургъ, гдѣ, какъ
рѣдѣказывалъ Приспавъ, наши Посланники
ожидались еще при недѣли.

Мѣсто близь Нотебурга, называемое Осин-
ка (Osincia) прелестно, и памъ было очень
весело, особенно на охотѣ. За четверть
мили отъ Нотебурга сеинь два острова, оши-
доящіе другъ онъ друга на ружейный вы-
шѣль и опущенные лѣтомъ, гдѣ довольно
мачи; сверхъ сего морскія собаки, которыхъ
много водится въ озерѣ, ложась по утесамъ
на солнцѣ, были для насъ хорошую добычею.
Мы наѣли еще удовольствіе пользоваться со-
обществомъ Г. Петра Круса Бюриа, быв-
шаго въ сіе время въ Нотебургѣ, проѣздомъ
въ Москвию, куда назначенъ онъ Шведскимъ
Резиденціомъ. Нотебургъ лежитъ подъ $63^{\circ} 50'$
при началѣ Ладожскаго озера, на остро-
вѣ, имѣющемъ видъ орѣха, онъ чего про-

изошло и название сего города. Москвитиа построивъ его, укрѣпили сильною въ девъ са и половиною сажени шолощы для защищать нападенія Шведовъ, овладѣвшихъ оныя подъ предводительствомъ Іакова dela Гардъ когда трудность осады и заразительныя болѣзни испребили почти весь гарнизонъ, кромѣ двухъ солдатъ человѣкъ, сдавшихся вырѣчомъ на весьма выгодную капитулацию. Место сие очень пріятно, но не здорово по причинѣ прѣсныхъ озеръ и болотъ, его окружавшихъ. Тамъ чрезвычайно безноконль народъ москвичъ, похожихъ на называемыхъ в Лаптии Ругаустас, коихъ сношь много, что они совершенно закрываютъ небо и мѣшаютъ смотрѣть. Сии насѣкомыя есть и въ Карелии, но не въ такомъ множествѣ, какъ въ Ношебургѣ.

16 Июля узнавъ, что Приставъ Семенъ Андрѣевичъ Карекинъ (Simon-Andr  Kareck-schin) прибылъ на границу для нашего приемления, мы отправились 20-го числа въ Лабу. Едва мы прибыли, какъ переводчикъ Пристава, въ сопровождении мушкетера, явился уз-

шть, желающъ ли Послашики бытъ приняты, на вопросъ, гдѣ будуть принимашъ насъ, на той ли сторонѣ или на срединѣ рѣки, такъ принимали Шведскихъ Послашиковъ, онъ отвѣчалъ, чио намъ спонигъ только перехашъ, и чио сіи церемоніи наблюдались со Шведами только по причинѣ спора, бывшаго у нихъ съ Москвишами за границу.

По переѣздѣ, мы нашли Приспава одѣтымъ въ красное камковое плащье, въ 8 или 10 шагахъ отъ берега. Какъ скоро Послашики сошли на землю, онъ приближился къ намъ, не снимал шапки до тѣхъ поръ, пока не произнесъ имени Великаго Князя, начавъ читать слѣдующее:

Его Величество, Царь Михаилъ Феодоровичъ, Повелитель всел Россіи приславъ меня сюда для принятія васъ, Филиппа Крузіл и Оттона Брюгмана, Послашиковъ Герцога Голштискаго, приказалъ продовольствовать Васъ и вашу свиту състными припасами и всемъ нужнымъ до города Москвы.

Переводчикъ его, Авшоній, такъ мало

зналь по Кѣмецки , чио наимъ трудно бѣ . Принимашь его , и потому Посланники отъ счали чрезъ своего переводчика Іоанна Ариамбека , весьма хорошо знашаго языкъ Месетиго вишииъ . Послѣ сего Иришавъ , подавъ воду , повелъ Посланниковъ въ гостиницу сопровождениі 12 человѣкъ козаковъ . Задаръ изъ ружей , кошорымъ они хощали окажать наимъ свое уваженіе , быль шакъ невѣра . Прчио одинъ выстрѣль попалъ въ каршузъ крестаря Шведскаго Резиденціи , пришедшаго Одишь съ нами видѣть обрядъ иришавъ .

Послѣ угощенія , состоявшаго изъ водокъ пряниковъ , винценъ , недавно свареныхъ , и опашъ сѣли въ лодки , чтобы продолжати путь свой . Отобѣдавъ съ Губернаторомъ Ионебургскимъ , провожавшимъ насъ до жѣстя и угостившимъ разными вкусными напитками мы отправились на семи судахъ . 22-го числа перѣхали чрезъ Ладожское озеро , просыпрающееся въ семь мѣстъ на 12 миль и ширину , и вышли на берегъ близъ монастыря Св. Николая , гдѣ одинъ монахъ подливалъ насть хлѣбомъ и печенюю семгою .

Приставъ, коему поручено было заботиться о нашемъ продовольствіи, спросилъ насъ, какурою или деньгами хощимъ мы получать его. Мы рѣшились на послѣднєе, по обыкновенію всѣхъ Посланниковъ, въ сихъ краяхъ путешесствующихъ. Съѣснныe принасы покупали оиѣ себѧ и находили ихъ везде за дешевую цѣну по таксѣ, назначенной Приспавомъ. Вообще жили въ Московіи весьма дешево по причинѣ плодородія земли. Одна шинука дичины продавалась по двѣ, а девятъ яицъ по одной копейкѣ. На каждый день получали по два рубля и по пяти копѣекъ, коихъ намъ было достаточно, что бы жить хороший столъ.

Послѣ обѣда доплыли мы въ тотъ же вечеръ до Ладоги, оштоящей отъ Лабы на семиадцать миль. На дорогѣ встрѣтился съ самимъ Приспавомъ,ѣхавшій на встрѣчу Шведскому Резиденту, съ тремя лодками. Во все время нашего путешествія не случилось намъ видѣть сиолько дѣшней оиѣ четырехъ до сего лѣта, сколько видѣли мы въ Ладогѣ. Нѣкоторые изъ насъ вышли прогуляться; дѣпи

большой части имѣютъ въ рукахъ плашки, вышитые разноцвѣтными шелками, которыми вертятъ вокругъ головы.

Послѣ обѣда поплыли мы по рѣкѣ Волхову (Wolgda). Мушкетеры или сирѣльцы испросили благословенія у одного монаха, находившагося на берегу рѣки, чи то обыкновенно дѣлаютъ они, встрѣчая на дорогѣ монаха, и въ каждой церкви. Если же имъ нѣть времени входить въ оную, то они только кланяются крестамъ на церквяхъ и часовняхъ, произнося слова: *Господи, помилуй.* (Posrodi buchmilo).

Вѣтеръ сдѣлался попутнымъ и мы поплыли на парусахъ, но какъ снастии у Москвитянъ не всегда въ порядкѣ, то веревка порвалась и парусъ, упавъ на голову одного изъ мушкетеровъ, ушибъ его столь сильно, чи то мы почли его мертвымъ; но чрезъ часъ, пришедъ въ чувство, онъ выпилъ стаканъ водки и не жаловался уже на боль.

Рѣка Волховъ столь же широка, какъ Эльба, но не такъ быстра. Она вытекаетъ близъ Великаго Новагорода изъ озера, назы-

ваемаго Москвишами Ильменемъ и впадасть въ Ладожское озеро. За семь верстъ (пять такихъ верстъ составляющъ одну Ильменскую милю) отъ Ладоги сеинь на сей рѣкѣ порогъ, а подпоры мали ниже другой, гдѣ вода падаешь съ удивительною быстротою между огромныхъ камней и ущесовъ, коими рѣка въ семь мѣсяцѣ усѣяна, чище чистою болѣе смиа человѣкъ, чиобы проплавъ нечестивой воды шиаущъ нагруженныя лодки.

Мы вышли на берегъ у первого порога и увидѣли, чио наши лодки прошли безъ всякой опасности, кромѣ послѣдней, въ коей осипавался Симонъ Фризе, сынъ Гамбургскаго купца, бывший при послѣднемъ изыханіи. На самомъ быстромъ мѣсяцѣ рѣки порвалась у сей лодки веревка, вода понесла ее обратно быстрѣе вихря и она конечно разбилась бы о камни, еслибы, сверхъ чалия, веревка отъ мацты, обернувшись кругомъ выдавшейся изъ воды скалы, не удержала стремления, чрезъ чио успѣли ей подашь помощь. Намъ рассказывали, чио одинъ Епископъ, Ѳхавший въ судѣ, нагруженномъ ры-

бою, за не сколько дней претерпѣлъ несчастіе и погибъ на этомъ мѣсцѣ. Пройхавъ другой порогъ безъ всякой опасности, вечеромъ прибыли мы въ монастырь, Св. Николая, гдѣ провели ночь и слѣдующій день, ожидая прибытия нашей свиты.

(Продолженіе впередъ.)

С М Т С Ъ.

О ЧУВАШСКОМЪ ЯЗЫКЪ. (*)

Языкъ Чувашский состоинъ изъ словъ собственno Чувашскихъ, Татарскихъ и весьма малаго числа Русскихъ.

Чуваши, не имѣя письма, сохраняють языкъ свой по преданию. Одному удаленію отъ превѣщенія надобно принисать то, что языкъ ихъ съ течениемъ времени не обогащается, и не теряется совершенно.

Число словъ Чувашского языка, разматриваемаго въ общемъ его соспанѣ, не превышаетъ круга ихъ понятій, частію заимствованныхъ отъ предметовъ, дѣйствующихъ на ихъ чувства и употребительныхъ въ ихъ жизни, частію выущенныхъ имъ и сохраняющихся по преданию безъ изслѣдованія справедливости или ложности ихъ, каковы суть по-

(*) Изъ предувѣдомленія къ Чувашскому словарю.

штіл о Божесиахъ. Дѣйствительно, народы, туждающіеся образованія, довольные своимъ грубымъ состояніемъ могутъ ли безъ вѣщихъ пособій возвышаться въ понятияхъ, съ возвышениемъ въ коихъ неразрывно соединено богатство языка ?

На языкъ Чувашъ можно смотрѣть, какъ за выраженіе ихъ образа жизни Физической въ умственной дѣятельности. (*) Здѣсь любопытный наблюдатель усмотритъ число нуждъ Чуваша, источники его продовольствія, занятія, искусство и степень ихъ образованія нравственнаго и умственнаго.

Слово есть выраженіе мысли или понятій— и въ семъ отношеніи особенное вниманіе наблюдалось въ Чувашскомъ языкѣ должны обращать слова сложныя, составляемыя изъ двухъ или трехъ первообразныхъ (изъ коихъ

(*) Напримеръ занятіе луны и ея ущербъ Чуваши выражаютъ словами: вубуръ сіашъ, что значитъ злой духъ съдаси, т. е. Чуваши думаютъ, что луна сославлена изъ шварога, а посему на ущербъ ея смотряшъ, какъ на съденіе ея злыя голодныя духомъ, который, наевшись досына, оставилъ ей раски овашъ.

одно болѣе или менѣе въ произношениі обыкновенно измѣняющіяся), кошорыя можно назвать описаніями предметовъ, выражаемыхъ онихъ. Въ нихъ ясно изображается степень образованія разума Чувашъ и мѣра ихъ познаній. Такого рода словами болѣе всего означающими рыбы: *шилѣ-пѣла*—судакъ, отъ множества мѣкіхъ зубовъ (*шилѣ*—зубъ, *пѣла*—рыба), *тиокле-тодѣ*—голецъ, отъ усовъ (*тиокле*—мохнатый, *тодѣ*—губа) и проч.; птицы: *ола-кѣикъ*—дланель, отъ несправо вида, (*ола*—песнирый, *кѣикъ*—птица), *салѣ-кѣикъ*—воробей, отъ жительства его въ селеніяхъ людскихъ, (*салѣ*—село, *кѣикъ*—птица), и проч.; дни: *вырысъ*—арка, *конъ*—воскресенье, отъ празднованія оному Русскими, (*вырысъ*—Русский, *арка*—недѣля, *конъ*—день.) *Арил-конъ*—Пяничокъ, отъ празднованія оному Чувашами, и проч.; мѣсяцы: *Уда-бихъ*—Іюль, отъ сѣнокоса (*уда*—сѣно, *бихъ*—мѣсяцъ), *сюрлѣ-бихъ*—Августъ отъ житія хлѣба (*сюрлѣ*—серпъ, *бихъ*—мѣсяцъ.) и проч.; часыи сущесивъ: *пось-тиобѣ*—шемя отъ положенія его, (*пось*—голова, *тиобѣкъ*—передъ.)

Прот. Виниевскій.

НАКАЗАННЫЙ КАДИЙ.

Въ богатѣищемъ изъ городовъ Сиріи, Дамаскѣ, жилъ добрый Мусульманинъ Вахинъ; происходя изъ низкаго сословія, но богатый добродѣшелями, онъ снискалъ чрезъ оныя довѣріе согражданъ, а сіе было основаціемъ его благосословія. Наживши небольшой душапокъ, Вахинъ любилъ отъ избышковъ своихъ удѣлять и бѣднымъ; знакомые его во всякомъ случаѣ имѣли къ нему въ нуждахъ прибѣжище своихъ, какъ къ испаниому другу человѣческия, и онъ всегда благословилъ небо за возможность помочь своимъ ближнимъ.

Одажды приходили къ нему родственникъ его Садет и просили въ нуждѣ своей вспомоществованія. Вахинъ снабжалъ его шысячю цехишевъ, но отказывавшися взять съ него въ сей суммѣ росписку, вѣря по собственному своему добродушию тому человѣку, которою до сихъ поръ назывался его другъ. Но испаниая дружба, ей даръ небесный, есть рѣдкое явленіе въ мірѣ, въ которомъ часто люди употребляютъ ону, какъ средство къ доспѣженію своихъ намѣре-

ній, основанныхъ на ращепахъ корыстолюбія. Добрый Вахинъ обманулся, какъ и всегда бываешъ съ такими людми, думая чрезъ судолжнія свои спискать признательность друга; обманулся, какъ человѣкъ, судившій о другихъ по себѣ. Непредвидѣнная болѣзнь примишила сго ко гробу, и онъ, переспупи за предѣлы жизни сей, оставилъ двѣ драгоценности, жизнь его услаждавшія: добродѣтельную супругу свою и прекрасную деву Зюлему.

Прошли печальные дни траура и вдова Вахинова занялась приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ мужа своего, оставилшаго ей посредственное состояніе; она послала за Садемъ, который со дні смерти своего благодѣтеля не показывался ей болѣе трехъ мѣсяцівъ. Печальная вдова приписывала сіе горесты его о потерѣ друга, ему благотворившаго; но скоро узнала почему произошло. Садей приходилъ, и вдова, между прочими дѣлами, напомнившіи ему о занятыхъ имъ у мужа 1000 цехицъ, просипъ возвращенія суммы, о которой покойный другъ его при-

смерти своей напоминаль ему. Салей отзы-
мется, что онъ никогда не бралъ такой
суммы у мужа си, и она напрасно на него си-
зводитъ.

Бѣдная вдова, которая своими руками от-
давала ему деньги, заплакала при двойной по-
терѣ своей, видя, что съ деньгами теря-
етъ и друга, каковыи она почищала до сихъ
поръ Салея; напомниашь ему дружбу и
одолженія мужа своего, за кошорыя надѣя-
лась лучшей благодарности; но сердце Са-
лея холодно, какъ ледъ; наконецъ угрожа-
етъ ему нравосудіемъ законовъ; но кто не
боится Бога, тому не спрашю нравосудіе
судей земныхъ. Салей же зналъ, что вдова,
не имѣла ни свидѣтелей, ни росписокъ, ко-
торыми могла бы уличить его въ неправдѣ.
Не сказавши ни слова дочери своей, вдова идешъ
къ Кадю просинь его нравосудія и помоцн
въ получениіи долга съ Салеемъ, кошорый, положивши рѣшишельное намѣреніе завладѣти день-
гами своего покойшаго друга, вскорѣ послѣ
разговора своего со вдовою успѣль уже по-
дарками склониши на свою сторону корысто-

любиваго Кадія. Сей , выслушавъ просьбу вдовы , требуетъ отъ нея для доказательства справедливости росписокъ , и съ свидѣщелей , — и усlyшавъ , что оныхъ несть , съ гибвомъ приказываешь ей выдти воинъ впредь не беспокойши его своими недѣльными прозьбами.

Не столько потеря денегъ , сколько несправедливость Кадія , не захотѣвшаго употребить и малаго труда къ открытию истины , была чувствительца для вдовы .

Пришедши домой , она пересказывастъ все дѣло дочери своей Зюлемѣ , конорад , утѣшая машь свою , говоришъ : Любезная роднинница ! если отецъ мой пожилъ дни ги законными средствами , какъ я и не сомнѣваюсь ; то они никогда не пронадаутъ ; Богъ не допусцитъ торжествованіе несправедливости вопреки своему правосудію ; не будемъ огорчать дней своихъ безполезною печалью о потерѣ того , что можно всегда приобрѣсти и пощерить . Распросивши машь свою обо всемъ , касающемся до Кадія и его рѣше-

ия, Зюдема положила непремъично наказанье
то самыи чувствицельнѣйшии образомъ.

Извѣстно, что на восшокѣ въ спрацахъ,
общасмыхъ починашелами Алкорана, дѣвицы
и женщины, находясь въ гаремахъ подъ спро-
жайшимъ надзоромъ, въ зажѣнъ сего, имѣ-
ющъ право въ извѣстное время собираясь въ
кунальни или бани, гдѣ и пользующаяся уже
совершенной свободою сообщества съ подруга-
ми своими, что для нихъ не менѣе приносить
удовольствія, какъ балы и вечерники нашихъ
Сѣверныхъ красавицъ, съ шою шолько раз-
вѣцю, что шамъ царствуетъ испарушиое
спокойствіе и пишиша и не производится ни-
какихъ человѣколюбивыхъ пересудовъ о недо-
сашкахъ ближнаго. Одобрятъ во всикомъ
случаѣ хорошее, я нахожу съ своей споро-
ны, что Восточнай обычай удалить не шолько
дѣвашь, но и женщинъ, ониъ соблазновъ
общесмѣнныхъ, очень хороши; я желаю
имѣшь жену для себя, а не для другихъ; хочу,
чтобы правилась она мнѣ, а не другимъ;
что очень / справедливо и напурально; оп-
пускаю же ее въ вихрь свѣща значицъ—же-

латъ, чтобы она ловила другихъ, или ся-
ма была поймана въ сѣни молодыхъ повѣсъ;
а балы и вечеринки сколько доставляющъ къ
сему способовъ! Можешь быть, я, какъ
Сѣверный Мусульманинъ, и ошибаюсь въ сей
по предубѣждению; но лучше, кажется, откаж-
башься съ пользою себѣ, нежели дѣйство-
вать безошибочно въ ливий вредъ. Будеъ
однако же продолжать Повѣсъ, сдва шольдо
начатую.

Зюлема въ день, назначенный идти въ бу-
нию, одѣвается по восточному обычаю еъ са-
мое лучшее плащье, не упускаешь ниче-
го, чтобы могло прибавить прелестей ея
прекрасному лицу; словомъ, она употреби-
ла все свое искусство въ нарядѣ, а въ
семь и самые спарушки, не смотря на лѣта
свои, спариваются *превзойти* самихъ себя.
Зюлема же имѣла къ сему сильныя причины;
она хотѣла прельстить собою первого въ
городѣ человѣка. Одѣвшись и накинувъ по
обычаю покрывало, идешъ, не сказавши ни
слова матери о намѣреніи своемъ, прямо въ
Судъ къ Кадію, какъ просипельница; остав-

шавливася у дверей и ожидасиъ, пока онъ не удовлетворишиъ всѣхъ, приходившихъ къ нему. Кадій спрашивасиъ о причинѣ ся прихода. Зюлема проситъ выслушашь ся прозьбу наедишиъ, и Кадій отводишъ ее въ отдаленую компашу ; здѣсь бросается она къ нея у ноги и, не не снимая съ лица своего покрывала, говоришъ : Блюститель правосудія ! Я пришла къ тебѣ съ жалобою на оца моего саможнаго мастера Бадами ; окажиши же милостивое покровительство пропавъ несправедливыхъ его посипучковъ. Многіе изъ здѣшиихъ гражданъ, знаяши, что я уже въ лѣтахъ, способныхъ къ замужству, сватались за меня ; но отецъ мой, неизвѣсно почему, отказывашъ, отзываясь пѣмъ, что я ряба, и коса обоими глазами. Посмотрите, правда ли это ? Тутъ Зюлема сбрасываетъ съ себя покрывало и показываетъ прекрасное лице свое изумленному Кадію, которому и во сиѣ шаковыя прелести не грезились. Зюлема, не давши ему опамятовашся, продолжала : Отецъ мой каждому изъ сватавшихся запорочилъ мене пѣмъ , чио руки у меня сухіе и груди впали ; посмотрите, го-

сударь мой, есть ли шутъ какая нибудь спр
ведливость? И съ симъ словомъ сбросилъ
съ себя верхнее плащье, показаваши при
два прелестные бугорка, увѣличанные роза
выми шишочками, неномяными еще дерзко б
рукою, и подъ которыми нашлись иѣзжие
вздохи красавицы. Тутъ Кадій совсѣмъ
мѣшался; вся душа его переселилась въ гла
за, которые изъ-подъ гусиныхъ бровей
сверкали, какъ разкаленныя уголья. Зюль
ма, желая довершить свою побѣду и совсѣмъ
свесивъ Кадія съ ума, продолжаетъ: Да
ошацъ мой не посовѣтился сказать об
мнѣ, что я имѣю кривыя ноги; но будь
те свидѣтелемъ, блаженство правосудія
какъ не справедливы слова его. Тутъ
она приподымаешь иѣсколько плащье
и показываешь двѣ стройныя ножки, под
держивающія прелестный станъ красавицы.
Кадій, приведенный симъ зрѣлищемъ изъ
самую крайнюю степень любовнаго без
умія, сдва не бросился самъ къ ногамъ
прелестной просищельницы. Онъ клячетъ
свою бородою, что топовъ быть во всѣ
комъ случаѣ защищникомъ.

О всесильная любовь! если бы ты всегда была въ согласія и съ служищами Фе-
ииды; что злый вѣкъ возвращался бы въ ваши желѣзныя времена. Но обратимся къ бѣдному Кадію, сдва опомнившемуся отъ все-
го, имъ видѣнаго. Онъ спрашивается Зю-
лему: за кого же хочешь ты выйти красави-
ца? развѣ уже есмъ у тебѣ на примѣрѣ
женихъ? Совсѣмъ иѣшь, Государь мой,
онѣвѣчала она: я рада выйти за первого, кио-
миѣ на глаза попадешся, лишь бы не быть
отъ такой бѣдилкъ, какъ мой отецъ. Ког-
да такъ, возразилъ влюбленный Кадій, взявъ
ее за руку: то я тебя съ удовольствіемъ
беру себѣ въ жену, обѣщаю устроить твоє
щастіе, исполнишь всѣ желанія твои. Вы-
шущише, говориши ему съ улыбкою Зюлема.
Я недостойна шакой чести, бывши дочерью
бѣднаго сапожника. Это ничего не значить;
онѣвѣчалъ рѣшишельно Кадій; я беру все дѣ-
ло на себя, лишь бы ты была согласна.— Но
отецъ мой будешь въсъ увѣрять, съ клятвою,
когда вы придиши сваташь меня, что я ря-
ба, коса, кривонога. Я никакъ не буду
сему вѣрить, возражаетъ Кадій. Когда шакъ;

то я полагаюсь на ваше слово, отвѣтала Зюлема. Но если вы не сдержите сего слова и я нынѣ же не сыщу себѣ кромѣ васъ другого жениха; то могу завтра же наперѣдъ побояніи оица своего, особенно когда онъ узнаешьъ, что я ходила къ вамъ жаловашася на него; чѣмъ же вы обезпечили меня въ исполненіи своего обѣщанія, продолжала Зюлема.—Всѣмъ, что тебѣ угодно, воскликнѣ Кадій; гошовъ жизнь свою отдать въ залогъ! Это не нужно; поберегище сё мнѣ на будущее время; а шенерь прошу васъ, какъ свадебного подарка, тысячу цехиновъ.—Кадій вѣрѣлъ себя оицъ радосни бѣжитъ за деньгами и, привнесши, отдаещъ ихъ Зюлемѣ, которая просинѣ его, чтобы оицъ завтра непремѣнно приходилъ къ оицу въ Бадамѣ для окончанія сватовства, самую начатаго хоти и благополучно, но комораго конецъ и развязку предосставляла ему. Влюбленной Кадій спрашивавши Зюлему о имени—и она, назвавъ себя Зелисою, уходиши наградя его за благосклонность пріяшпою улыбкою, заспавшио его весь вечеръ проворчать на медленность часовъ, и всю ночь

проворочатъ съ боку на бокъ на своей поспѣлѣ. Зюлема, пришедши домой, пересказывастъ всѣ, какъ было, матери своей, отдастъ ей деньги, полученыя съ Кадія, и ожидаетъ, чѣмъ рѣшился начатое сю сватовство.

Кадій, дождавшись съ неперѣціемъ утра, спѣшилъ къ сапожному мастеру Бадамшѣ, который, увидя у себя неожиданно такого гостя, сначала было испугался; но Кадій успокоиваетъ его ласковыми словами и объясняетъ ему, что онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы высватать дочь его Зелису себѣ въ жену. Изумленный симъ Бадамша, у которого дочь была точно Зелиса, и имѣла всѣ недостатки, описанные Зюлемою, подумалъ, что онъ пришелъ надѣять имъ пощутить, а потому, принявши сіе за обиду, говорилъ ему: Государь мой! какая причина побуждаетъ васъ издѣваться надѣ бѣднымъ ремесленникомъ, и требовать дочери его въ жену, зная, что она есть настоящій уродъ своего пола? Кадій, увѣренный совершино въ пропивномъ и давал знать Бадамшѣ, что уже познакомился

съ его дочерью, подъ видомъ Зюлемы; но показывая видъ, что вѣришъ его словамъ и, дабы избавиши ся отъ его дальнѣйшихъ возраженій, говоришъ нареченному своему шестю: „Я все сіе знаю и слышалъ; но вотъ причина побуждающая меня женившись на твоей дочери: я желаю загладить свои прежніе грѣхи хотя однимъ добрымъ дѣломъ и заслужить отпущеніе ихъ и милость Божію; и потому положилъ завѣщаніе составить щастіе хотя одному бѣдному человѣку. Для сего избралъ и себѣ и дочь свою; слыша отъ тебя и другихъ о ся недоспашкахъ, я непремѣнно хочу имѣть ее женуо, а тебѣ опредѣляю ежегодно по смерть по двѣ тысячи цехиновъ жалованія.“ Сіи слова совершенно изумили чеснаго Бадамшу, ни мало не воображавшаго причины, побуждающей Кадія споль настойчиво свататься за его дочь. Впрочемъ онъ еще возражаетъ: Но если вы жениитесь на сей и увидите всѣ безобразіе ся; то дочь моя непремѣнно будешь выгнана, и я при бѣдности своей буду шершѣть еще и безчестіе. Если только это тебя удерживаетъ, прерваль его Кадія: то я тебя совершенно успо-

юю. Я подпишу въ брачномъ контрактѣ, что когда вздумаю дочь твою послѣ замужества отъ себя отослать, въ такомъ случаѣ обязуюсь заплатить тебѣ безчестія 5-ть тысячъ цехиновъ. Доволенъ ли ты симъ извѣщеніемъ моего искреннаго желанія быть мужемъ твоей Зелисы? Бадамша не зналъ, что подумать о такомъ счастіи. Соглашается на требование Кадія, который посыдаетъ немедленно за Ионаріусомъ, заключаешь контрактъ — и бѣдный сапожный мастеръ, едва снискивавший себѣ дневное пропитаніе потовыми трудами, получаешь впередъ обещанный двѣ тысячи цехиновъ, на копорыя внимаешь хороший домъ и изгоняешьъ все, какъ должно, къ свадебному торжеству своей дочери съ богатымъ Кадіемъ.

Наконецъ наступаетъ день брака; нещерпѣливый Кадій приноситъ драгоценные подарки невѣстѣ своей и, получивши благословеніе Імама, ведетъ молодую свою жену Зелису къ себѣ въ домъ. Съ воспоргомъ снимаетъ съ головы ея покрывало, думая всмотрѣти взоръ прелестной Зюлеи; но съ ужасомъ от-

скакивася прочно, увидѣвъ безобразную дочь сапожника Бадамши; не вѣришъ глазамъ своимъ, спрашивася ей, кто она такова? — Поя Зелиса, дочь Бадамши, отвѣчаша новобрачная; отецъ юй предупреждалъ въсѧ моихъ недостаткахъ; но вы пвердо наспѣвали имѣть меня своею женою: шутъ иѣз никакого обмаша. Кадій спрашивается: иѣз ли у нея другой сеспры? Но услышавъ, что она есть единственная дочь отца своего, догадался, что вѣрю съ нимъ сыграла шутку какая нибудь незнакомая красавица. Исѣяла иѣсть не только женою, но даже перенѣсть въ домъ своемъ Зелису, Кадій отсыластъ ее немедленно къ отцу; въ слѣд идешъ къ нему самъ, отдастъ условленную суму и подтверждаетъ обѣщаніе свое платить ему пожизненно жалованье, лишьбы онъ былъ скроменъ и не разглашаль обстоятельствъ сего дѣла.

Окончиши столь почальнымъ образомъ щастливо начатое свидѣніе, Кадій рѣшился чрезъ преданныхъ себѣ шпионаў женскаго пола развѣдать, кто была красавица, за-

ставившая его надѣлать на старости лѣтъ
столько дурачествъ. Онъ описалъ вѣсъ ея
примѣты сколь удачно, что чрезъ несколь-
ко времени узналъ обладательницу ветхаго
своего сердца въ Зюлемѣ, дочери вдовы Ва-
хиновой, которую онъ столько обидѣлъ
своимъ неправосудіемъ въ шлябѣ о деньгахъ
съ Салеемъ.

Повѣсть кончена, правосудіє возстановле-
но (хотя и не по формѣ); вдова Вахинова
получила свои деньги; Бадамша, безъ ро-
шанія спосившій бѣдность свою, за иерѣї-
віе вознаграждесъ щедрою рукою чрезъ ис-
полненіе свадебнаго съ Кадіемъ договора, по
которому ионь приужденъ бытъ заплатить
условленную сумму денегъ; Кадій весьма
чувствительно (и подѣламъ!) наказанъ хин-
рою Зюлемою, разрушившею даже и пріят-
ныя надежды его на обладаніе красоюю,
предназначенію между тѣмъ составить щас-
тие честному гражданину, а не обветшалому
кривосуду (*), которой все горе и бѣду свою

(*) Какъ бы хорошо было, еслибы все иные краса-
вицы такъ чувствительно испили за кривосудіе! Но-

выгнастъ на Салеѣ, давши ему 100 у-
ровъ по пятамъ за то, что онъ осмѣлил-
въ дѣлѣ вдовы Вахитовой искушать его вза-
ками и подвергнути споль великому стыду
а что всего важиѣе для подобнаго суды-
убыткамъ.

П. Аноновъ.

жеть быть, ихъ пѣни сихъ бы дѣйствовали
обыкновенныхъ пѣнъ. Издані.